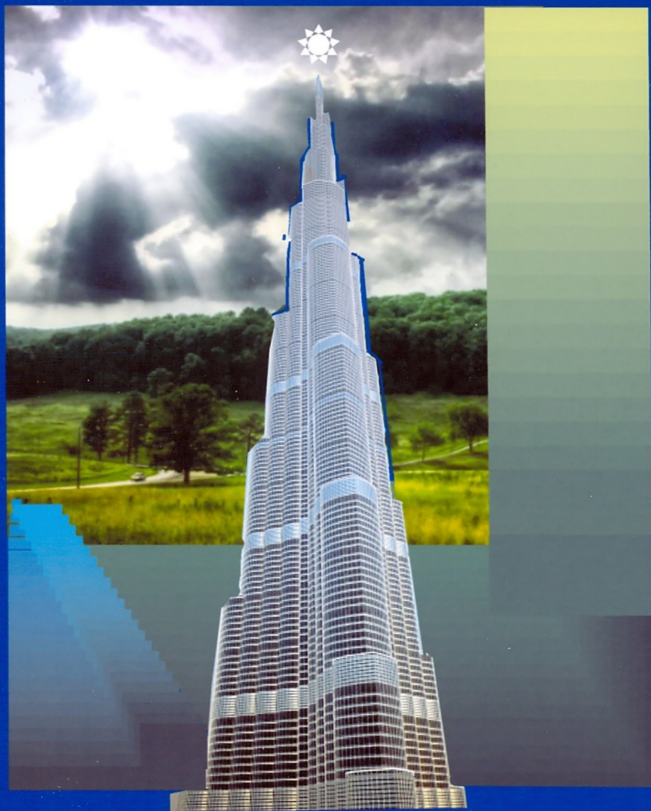

Г.Н. Муравьев

**ШКАЛА ЖИЗНЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ**

Герман Николаевич Муравьев

Шкала жизненных ценностей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27339481

SelfPub; 2017

Аннотация

В 2006 году Г.Н. Муравьевым была издана книга "Троичность вокруг нас", где развивается мысль о том, что, обладая триединой от сотворения природой (дух, душа, тело), человек моделирует троичность "вокруг себя": в жизненных ситуациях, любви, искусстве. В новой книге автор расширяет эту тему, пытается взглянуть с позиций троичности на структуру арсенала жизненных ценностей, соотношение духовно-нравственных и материально-чувственных его составляющих.

Содержание

От автора	4
От «Троичности вокруг нас» до «Шкалы жизненных ценностей»	10
Шкала жизненных ценностей	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

От автора

В Евангелии от Матфея (19, 16-22) есть эпизод, в котором некий богатый юноша поставлен Христом в несовместимые условия выбора: либо обретение страстно желаемой им жизни вечной («сокровища на небесах»), либо сохранение в целостности своего имения – сокровища, уже обретенного, но на земле. Юноша выбрал второе. Точнее – остался при втором, предпочтя плотское духовному. А в Евангелии от Луки (21, 2-4) бедная вдова отдает в дар Богу две лепты – «все пропитание свое, какое имела», жертвует плотским во имя духовного.

Эти евангельские примеры дают наглядное представление о двух моделях ценностной шкалы человека. Принципиально различаются они, как видим, полярно противоположным размещением приоритетов «по вертикали». Ниже и выше этих «реперных» точек шкалы находятся различные по своему характеру индивидуальные ценности в «чистом виде» – положительные и отрицательные, истинные и ложные, а также их хитросплетения: замещения и смещения ценностей, спекуляция ими, маскировка их и т. д. (К примеру, суетное обрядоверие, подменяющее истинную веру; ханжество и лицемерие, выступающие под маской добрых дел и любви к справедливости. Всех же вариантов «гибкого курса» ценностей – несть числа). С *этим* мы жили, живем и в полной

уверенности называем себя людьми.

Однако все имеет начало и конец: произошла смена эпох. Воцарившийся Водолей, в силу внутренне присущих ему высоких духовно-нравственных критериев, выставляет более жесткие (в сравнении с предыдущей эпохой Рыб) условия получения титула – *Человек*. Конечно, категории «бедных вдов» и тех, кто «положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13) – вне конкурса. Но их, к сожалению, подавляющее меньшинство. А что остальные? Все те «богатые юноши» и «волки в овечьей одежде» – лицемеры, жившие и живущие полуправдой и суррогатом ценностей? Их ведь «так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском» (Евр. 11,12), да еще и зараженных губительным вирусом «священной» частной собственности. (Последняя дана нам Богом в конце эпохи Рыб для *отягощения* условий нашего нравственного роста в эпоху Водолея). Иными словами, какова судьба человека, переставшего осознавать себя как личность? Утратившего нравственный самоконтроль? Думается, на все воля Творца, но *не в отрыве* от воли человека, которому даются два пути – на выбор.

Первый – «широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф. 7,13).

Второй – «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7,14).

В первом варианте человек эпохи Рыб в составе бездуховного стада *автоматически*, без каких-либо усилий погибает

духовно, переходя в категорию: «человекообразное животное эпохи Водолея», а имя его «изглаживается из книги жизни» (в контексте Отк. 3, 4-5).

Во втором – человек эпохи Рыб охватывает критическим взором свою шкалу жизненных ценностей, очищает ее от следов самости и прилагает *максимум* усилий к духовно-нравственному совершенству, памятуя о заповеди: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5,48). В результате он становится *кандидатом* в категорию: «человек эпохи Водолея» – и обретает *шанс* перейти в новую жизнь, на очередной этап божественного эксперимента; теперь все зависит только от божественного волеизъявления.

Но как пробиться к душе человека, обитающего в духовно убогой и морально деградирующей среде? Как в таких условиях побудить его к нравственному самосовершенствованию, если он тупо доволен тем, «какой я есть»? Вряд ли следует соблазнять его светлыми, по-настоящему человеческими, перспективами того образа жизни, к которому он *должен* стремиться в эпоху Водолея. Это не для него: *заземленной* душе духовно-нравственные идеалы либо чужды «от юности ее», либо служат предметом ехидных насмешек и циничных издевательств. Ей доступны лишь ценности, воспринимаемые сугубо по-животному, то есть – пятью органами чувств. В силу этих «особенностей» вряд ли стоит приступать к самосовершенствованию с попытки обрести *аб-*

страстные достоинства. Логичнее, по-моему, сперва «замахнуться» на подавление *конкретных* недостатков своего «я»; тем более, что подобное стремление уже само по себе есть *главнейшее из достоинств*. Апостол Петр дает двойную заповедь: «Уклоняйся от зла и делай добро» (1 Пет. 3,11). Как видим, для апостола «стань менее плохим» – актуальнее, нежели «стань более хорошим».

Мудрый Восток учит: «Прежде, чем сделать шаг, посмотри, где стоишь». В данном случае: «чтобы стать *лучше*, чем я есть, надо сперва узнать – *каков* я есть». Но зеркала, где бы отражалась наша моральная физиономия, не существует, а обратить *добровольно* внимательный непредубежденный взгляд внутрь себя, к своей шкале жизненных ценностей – охотников, прямо скажем, не так уж много. Еще меньше тех, у кого *увиденное* вызовет неподдельную брезгливость и глубокую неприязнь к самому себе. Ведь не каждый так образцово строг в нравственной самооценке, как, к примеру, Пушкин:

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная...*

И уж совсем единицы тех, кто возненавидит свое убогое, зоологическое «я» до такого накала, что решится «очеловечить» его, очистить от скверны. Так что возникновение желания критически «прочитать жизнь свою», порожденное

некоей вспышкой самосознания (да еще в условиях, противных тому), сегодня – маловероятно, и прежде всего – из-за никчемной вероятности самой вспышки.

Сегодня человек весьма болезненно реагирует даже на легкие замечания извне. А уж попытка, мягко говоря, припечатать его «фасадом к столу», разумеется, вызовет у него взрыв «благородного» негодования. Зато он *чисто по-человечески (!)* (ведь безнравственному-то животному сие чувство не ведомо!) радуется, тайно или явно, когда подобной моральной экзекуции подвергают другого человека, особенно – антипатичного ему. Или же совершенно спокоен, до безразличия.

В моей работе в роли такого «другого человека», своего рода козла отпущения, выступает человек условный – *среднестатистический*, что в какой-то степени должно ослаблять напряжение мнительного читателя а. Это не слепок с конкретной личности, а собирательный негативный портрет, каждая черта которого высвечивается только в определенной жизненной ситуации, при исполнении человеком определенной социальной или нравственной функции.

Я понимаю, что эта однозначно непривлекательная фигура будет воспринята все же по-разному. Вполне возможно, что читатель, который смотрит на сучек в глазе брата своего, а бревна в своем глазе не чувствует (образ из Мф. 7,3), не заметит плевел в своей шкале жизненных ценностей и, отбросив чтиво, самоуверенно заявит: «*Это* ко мне не относится!

Я – не таков!» Что же, отрицательный результат – тоже результат. Однако вполне возможно и другое.

Поскольку условный образ *среднестатистического* человека, главного героя данной книги, по своей логической сути есть соединение (в неких соотношениях) образов множества реальных людей, постольку вполне вероятно, что существует читатель, которому в этом одиозном портрете почудится отдаленное сходство с собой по многим параметрам или бросятся в глаза некоторые «родственные» черты и «родимые» пятна».

Подвести человека к подобному открытию, хотя и неприятному, но безусловно полезному, и есть *цель* данной работы.

Теперь перед личностью (уже не среднестатистической!), получившей начальные знания о том, *какой я есть*, открываются два пути, о которых говорил Христос в Мф. 7,14: либо «в жизнь» – духовно-нравственная эволюция; либо «в погибель» – духовно-нравственная деградация. Третьего *на рубеже эпох* не дано.

С выбором – *какими* вратами, то есть в качестве *кого*, войти в новую эпоху, пусть решает каждый, памятуя при этом, что «каждому же из нас дана благодать» (Еф. 4,7), но и судим будет «каждый по делам своим» (Отк. 20,13). Вот и все! Остальное – в книге (кое– что!) и за ее пределами (безгранично!).

От «Троичности вокруг нас» до «Шкалы жизненных ценностей»

Данная работа изначально предполагалась как заключительный (четвертый) раздел изданной в 2006 году книги «Троичность вокруг нас».

Однако по ряду причин издать пришлось только три раздела, объединив их в книгу с упомянутым выше названием, а четвертый раздел, в связи с его значительным объемом и разноплановой тематикой, издать отдельной книгой с названием «Шкала жизненных ценностей».

В результате такого разрыва в работе читателю, не имеющему возможности ознакомиться с предыдущей книгой, затруднительно установить их органическую связь, без чего теряют смысл авторские ссылки на предыдущую работу. Для восполнения этого пробела, хотя бы частично, я счел необходимым кратко изложить отдельные положения «Троичности», имеющие непосредственное отношение к темам настоящей работы.

Хотелось бы обратить внимание читателя на следующее: апеллируя к Библии, взятой мною в качестве «опорного» источника информации, я цитирую библейские стихи – аргументы, как правило, в полном объеме. Тем не менее для лучшего уяснения их связи с излагаемым материалом я реко-

мендую читателям, особенно тем, для кого Библия является малознакомой книгой, перечитывать не только эти стихи, но и смежные с ними непосредственно в тексте Библии.

* * *

Концептуальным положением предыдущей работы является гипотеза, сводящаяся к предположению, что земная жизнь каждого человека есть неповторимая форма участия его в *божественном эксперименте*. (Идея, имеющая нечто общее с данной версией, высказана, например, в книге «Священная загадка»: «Вся христианская теология основана на принципе воплощения Иисусом Бога на земле; Бога, проводящего личный эксперимент в человеческих условиях» [53], с. 295). Заключается же он в том, что в мир, функционирующий лишь по законам инстинктов, Творец внедряет существо – человека, в которого *наряду с инстинктами* вживляет и *механизмы управления ими*. Взаимоотношения человека с этим миром и себе подобными существами являются предметом пристального интереса Творца. Но *какими* будут эти отношения, *каким* станет со временем сам человек – Всевышний не знает: будучи Всемогущим, Он *не является Всеведущим*. Творец может уничтожить водным потопом (Быт. 6-8) сотворенный Им мир, но Он не способен предвидеть даже ближайшее, а уж тем более отдаленное его будущее. Примеров тому в Библии более чем достаточно. Творец не является Гарантом безошибочности собственных прогнозов и заявлений. Он не знает заведомо, как поведет

себя лучшее из Его творений даже в Раю и уж тем более – за его пределами, поэтому и проводит с целью углубленного изучения человека бесконечные серии наблюдений за его мыслями, словами и поступками в задаваемых Им жизненных ситуациях. Бог, действительно, пытается поднять тот самый камень, который создал Сам.

Информация, полученная в результате такого изучения, служит «справочным материалом», крайне необходимым Творцу для повышения вероятности Его дальних и ближних прогнозов, касающихся человека, и подготовки для него новых индивидуальных программ. Так что, «небесная история и небесная судьба человека предопределяют земную судьбу и земную историю человека» [11], с. 35.

Как известно, достоверность результатов статистического метода, лежащего в основе божественного эксперимента, тем выше, чем больше единичных наблюдений задействовано в нем. В данном случае – чем больше «просмотренных» Творцом индивидуальных человеческих жизней. (Кстати, уже одно это условие делает невозможным физическое бессмертие, которое, в соответствии с христианской традицией, якобы было предназначено человеку изначально при его сотворении. Каждому человеку, участнику божественного эксперимента, определена индивидуальная жизненная программа, рассчитанная на *конечный* временной интервал, по прошествии которого дальнейшее пребывание человека на Земле становится нецелесообразным с позиции Творца-экспе-

риментатора). Таким образом, человек необходим Богу в не меньшей степени, нежели Бог человеку. «Потому что, если есть тоска человеческая по Богу и ответом на эту тоску является откровение Бога в Человеке... то есть и тоска Божья по человеку... тоска по любимому и любящему *в свободе* (курсив мой – Г. М.) и ответом на эту тоску – рождение человека в Боге» [11], с. 45.

Однако эксперимент Творца – не хаотическое нагромождение бесчисленных единичных опытов, – это сложнейшая система предопределений, в которой каждому индивиду задана целевая программа на весь период его земной жизни. Бесцельно живущих, лишних (по обывательским оценкам) людей в божественном эксперименте просто не существует, ибо в каждом человеке, даже преступнике, сокрыт образ Божий (Быт. 1,27). «Этот «образ» отразился главным образом в троичности (триединстве) человека и его природы» [1], с. 12. Согласно 1Фес. 5,23, человек есть и дух, и душа, и тело во всей целости, освященной во всей полноте самим Богом мира.

Опираясь на это весьма важное утверждение апостола Павла, правомерно сделать следующий вывод: расхожее мнение, будто бы в человеке уживаются *две* противостоящие друг другу сущности, два его непримиримых «Я», верно лишь отчасти – победителя в этом извечном противоборстве определяет *третья* сущность, *третье* человеческое «Я», исполняющее роль третейского судьи. В трехплановой струк-

туре человека – это душа, средний план триады, на который воздействуют «снизу», со стороны физического плана, животные инстинкты человека, а «сверху», со стороны плана духовного, механизмы управления этими инстинктами. Оценив доводы обеих сторон (сразу или в результате долгих и мучительных колебаний), наш третейский судья принимает решение в пользу *одной* из них, ибо компромиссное решение, непосредственно примиряющее в человеке духовное и животное начала, просто невозможно. «Не можете служить Богу и маммоне», – утверждает Христос в Мф. 6,24. Но каким бы ни было конкретное судебское решение, оно в любом случае должно быть независимым, свободным от любого давления извне, в том числе и божественного.

Для обеспечения этого условия Творец наделяет «подопытного» человека *свободой воли* (в разумных, с божественной точки зрения, пределах, конечно), то есть способностью и правом принимать вполне самостоятельные решения в ситуациях выбора, троичного по своей структуре. Образно говоря, Творец обозначает на душевном плане человека зону, в которую не вхож даже Он Сам! В силу этого свобода воли обретает статус внутренне присущего человеку качества, становится одним из неотъемлемых признаков божественного *образа* в человеке. Господь Бог может уничтожить человека, но свободу воли в человеке – никогда. (Послепотопное обновленное человечество, как следует из Библии, сохраняет тем не менее старые допотопные корни в лице уже обладав-

ших свободной волей Ноя и его сыновей). В противном случае эксперимент утратил бы генеральную идею и, как следствие, всякий смысл, ибо человек стал бы послушной игрушкой в руках Творца.

Что же касается божественного *подобия*, то его, по первоначальному промыслу Творца, человек также должен был получить при сотворении (Быт. 1,26). Однако реально Бог создал человека лишь «по образу Своему, по образу Божию» (Быт. 1,27), представив ему возможность обрести богоподобие, опираясь на уже полученную свободу воли. Эту возможность наши библейские прародители реализовали в эдемский период своего бытия, преступив божественный запрет на вкушение плода, несущего в себе *знание добра и зла*. Таким образом, знание добра и зла есть *первый и полноценный* плод свободной воли человека. В Быт. 3,22 Господь Бог, обращаясь к неизвестным нам горним силам сразу же после грехопадения Адама, заключает: «Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло». Естественно, речь идет только о знании *критериев* добра и зла, общих признаков того и другого. Неведомое же Творцу безграничное многообразие конкретных форм добра и зла должно раскрываться поэтапно в процессе Его длительного эксперимента с человеком.

Соединенные в одной личности врожденная свобода воли и благоприобретенное знание основ добра и зла делают эту личность способной к творческой деятельности, что в основном и составляет содержание понятия «богоподобие». Со-

творчество Бога-Творца и творца-человека проявляется в процессе божественного эксперимента как форма специфических взаимоотношений Дающего и Принимающего. Причем и Бог, и Человек отдают и воспринимают *одновременно*, ибо только при этом условии можно осуществить стабильный информационный взаимообмен.

Обретение знания добра и зла через вкушение запретного плода послужило для Творца критерием готовности людей к участию в эксперименте на проклятой Им земле. Внешним же мотивом, *поводом* к изгнанию, согласно библейской версии (Быт. 2), послужило злостное нарушение человеком божественной заповеди, за что он, разумеется, и должен был понести заслуженную кару свыше. Эту версию разделяют все христианские конфессии.

Однако божественный эксперимент с человеком по замыслу Творца и должен был проводиться на земле, а не в «раю на земле». В Быт. 2, 4-5 прямо говорится, что на определенном этапе сотворения неба и земли еще «не было человека для возделания земли». (В этом, как видим, и состояла его главная миссия). Поэтому изгнание человека из Эдема не есть нечто, *непредвиденное* Творцом на первой, эдемской стадии Его эксперимента. Нет! Это начало *плановой* божественной акции – троичного разделения единого, синкретического мира на мир божественный (горний), мир тварный (дольний) и мир человека, связующего в силу своей троичной структуры эти миры.

Посредническую миссию Человека, живущего одновременно в двух мирах, образно изложил Г. Р. Державин:

*Я связь миров повсюду сущих;
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих;
Черта начальна божества;
Умом громам повелеваю.*

«В Библейской мифологии рассказывается и о земной исторической судьбе человечества, и о небесной судьбе; грани между небесным и земным оказываются стертыми... Первый этап земной судьбы человечества зарождался на небе, зарождался в какой-то духовной действительности...» – писал Н. А. Бердяев [11], с. 34.

Конечно, Творец мог бы (ведь Он – всемогущ!), создав человека, *сразу же* разместить его во всеоружии знаний добра и зла непосредственно на земле, а не вводить его предварительно в эдемские испытания; и уж тем более мог безболезненно вывести его из этих испытаний, коль скоро такой экзамен был необходим. Почему же Творец не следует этим, безболезненным для человека путем?

Дело в том, что Господу Богу необходимо не просто внедрить человека в земные условия и не просто удалить его из Эдема, а проделать это в форме *карательной акции*, возло-

жив на человека груз *вины* перед Богом-экспериментатором! Этот божественный гнет должен породить в человеке постоянно действующий фактор страха пред Господом: «Господа, Бога твоего, бойся и ему одному служи» (Втор. 6,13). Чувство вины и страх перед наказанием за нее призваны ограничивать свободу воли человека, не давать ей расширяться беспредельно, до размеров свободы воли Творца. Вина в «первородном грехе», *проникшая* в сознание и чувства человека, используется Творцом как вожжи для управления экспериментом, обеспечивая надежную и долговечную связь Творца с Его творением.

Каков же в конечном счете «личный багаж» наших прародителей, с которым они прибывают на проклятую Богом землю, где все надо начинать с нуля? Он состоит из трех компонентов образа и подобия Творца: троичной структуры человеческой природы, свободы воли, знания добра и зла. Синтез этих качеств есть первичное, изначальное условие для самостоятельной творческой деятельности в троичном мире Земли. (В этом мире «мы находим три главных царства, а именно: царства минеральное, растительное и животное» [2], с. 43). Поскольку человек троичен по своей природе, постольку и мир, создаваемый им, оказывается неизбежно троичным по структуре и организации. Образно говоря, все, к чему человек ни прикоснется, становится троичным: повседневные ситуации, любовь, искусство, взаимоотношения и т. д.

О *триединстве* природы человека как отражении образа Бога уже говорилось со ссылкой на Библию и примечания пастора Ч. И. Скоуфилда [1], с. 12.

Свобода воли – это свобода выбора любого из возможных решений проблемы, не обусловленная нравственными нормами. Это свобода на внешнем, проявленном плане бытия.

Знание добра и зла – это индивидуальный набор нравственных критериев – эталонов, с которыми мы сравниваем и по которым оцениваем критически или самокритически мысли, слова и поступки как свои, так и других людей. Это знание человеком границ *морально приемлемого* в пределах дарованной ему свободы воли; это лимит свободы внутренней, непосредственно влияющей на границы свободы внешней.

* * *

И свобода воли, и знание добра и зла как свойства человеческой природы, несмотря на их противостояние, *по сути* исходят из одного Источника – от Бога. Поэтому человек как участник божественного эксперимента поставлен на земле в рамочные условия: с одной стороны – это должна быть независимая, инициативная, творчески самостоятельная личность, способная пополнить базу данных «божественного компьютера» ценной, оригинальной информацией; с другой стороны – эта личность не должна быть самоуправляемой настолько, чтобы разорвать узы «раба божьего», пренебречь божественным водительством. И только сов-

мещение *обоих* граничных условий делает человека участником эксперимента, руководимого Творцом.

Однако Творец во имя чистоты эксперимента начинает его, последовательно апробируя каждое условие в отдельности. Сперва Он предоставляет человеку практически неограниченную свободу воли, корректируемую лишь единственной и к тому же обобщенно сформулированной нравственной заповедью. Я имею ввиду обращение Господа к Каину – первому рожденному *на Земле* человеку: «Если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт. 4,7). И все – практически больше *никаких* нравственных ограничений и конкретных духовных ориентиров Творец не устанавливает человеку вплоть до исхода избранного Им народа из египетского рабства.

К чему же в конце концов привела человека столь длительная личная свобода от нравственных ограничений? К беспредельному моральному разложению.

Как и следовало ожидать, человек не стал господином своего греха. Скорее, наоборот – грех до такой степени обуял людей, что возникла реальная угроза срыва божественного плана. Тяжелый, насквозь пропитанный грехом человек под весом этого греха отпадает от Бога *естественным образом* и, следовательно, выбывает из участия в божественном эксперименте.

Если же учесть, что в таком растленном состоянии пребывает вся земля, и «что всякая плоть извратила путь свой

на земле» (Быт. 6,12), то становится вполне очевидным, что Творец-экспериментатор рискует остаться в скором времени вообще без участников, точнее – без объекта своего эксперимента. Спасти человечество, погрязшее в грехе, уничтожить грех, не уничтожив его носителей, теперь уже не под силу даже Богу, и Он, *по-человечески* раскаявшись, что в свое время создал человека (Быт. 6,6), истребляет физически (водами потопа) всех людей; правда, за небольшим исключением. Каков же его смысл?

Дело в том, что Свой эксперимент Творец прервать или начать заново не может, второго сотворения мира и человека не будет, и поэтому Он сохраняет для послепотопного продолжения эксперимента допотопные корни человека в лице одной семьи, способной «господствовать» над грехом – праведника Ноя и его ближайшей родни. Это образцовые, по мнению Творца, допотопные родоначальники послепотопного человечества: «И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 9,1). (Творец ошибся в предположении, что у праведного отца неизбежно должны быть столь же праведны и его сыновья. Кстати, как следует из Быт. 9,20, Творец ошибся прежде всего в выборе коренной личности, праотца «обновленного» человечества – Ноя).

Обращает на себя внимание тот факт, что и *до* потопа, и по его *окончании* Творец делает Себе одно и то же признание: «... все мысли и помышления сердца человеческого были

зло от юности человека и во всякое время» (Быт. 6,5; 8,21). Иными словами, зло неистребимо (можно лишь научиться подавлять его проявление, то есть господствовать над ним), и, следовательно, неизбежно переходит по наследству в сердце слепопотопного человека от старых, допотопных носителей этого сердечного зла.

Созерцательная по своей природе тактика невмешательства Бога в дела людские и неограниченная никакими жесткими моральными нормами свобода воли человека привели последнего к убеждению, что «все можно!» Гордыня (самый страшный грех в христианской традиции) до такой степени переполнила людей, что они вознамерились добраться до Бога, построив «себе башню высотой до небес», и сравняться с Богом, «сделав себе имя». Таким образом, божественный эксперимент снова на грани срыва! На этот раз Бог не уничтожает людей (Творец клялся Ноем в Быт. 8,21 не уничтожать более род людской), а только рассеивает их по всей земле и смешивает языки «так, чтобы один не понимал речи другого». (Следствием этой божественной акции стали в дальнейшем кровопролитные войны на религиозной и межнациональной почве.)

Итак, *первое* условие участия человека в божественном эксперименте (свобода воли) апробировано Богом сполна и в «чистом виде» – без малейшего давления на волю человека. Какие же изменения претерпела структура человеческой триады в период разгула ничем не сдерживаемых стра-

стей и животных инстинктов, беспредельного насыщения исключительно биологических потребностей? Она становится крайне уродливой, деформированной за счет неимоверного разрастания ее нижнего, физиологического плана. Последний гипертрофирован настолько, что практически полностью поработощает «снизу» средний душевный план триады. Заземленная душа в свою очередь превращается в верную служанку низменных страстей человека и надежную защитницу его от моральных нападков и упреков извне. Она постоянно оправдывает и даже стимулирует безудержное стремление человеческой плоти к чувственным наслаждениям и комфорту: «Живем один раз! Бери от жизни все!» Высший же, духовный план человека отделен от души и фактически атрофирован, так как не получает ни питания, ни полезной нагрузки свыше. По причине своего обескровления он, конечно, не в состоянии активно воздействовать «сверху» на душу человека и возвышать ее. Налицо угроза превращения триады в диаду «тело – душа», а точнее – в своеобразный биологический монолит, поглотивший душу (прообраз модели троичности современного среднестатистического человека!).

В итоге Творец убеждается в том, что личность, свобода воли которой не ограничена рамками знания добра и зла, то есть представлением о том, *к чему* следует стремиться и *от чего* уклоняться, обречена на духовную, а затем и физическую деградацию.

Приступая к апробированию *второго* необходимого условия (знание добра и зла), открывающего человеку доступ к участию в божественном эксперименте, Творец, как и на предыдущем его этапе, прежде всего обеспечивает чистоту опыта. С этой целью Он отсекает первое условие – свободу воли человека – и навязывает ему Закон, знание которого *приравнивает* к знанию добра и зла. При этом ревностное и пунктуальное соблюдение всех его заповедей считается следованием добру, а нарушение или исполнение их без энтузиазма, не говоря уж об уклонении от них, есть зло (часто наказуемое смертью). Беспредельный по охвату рассматриваемых жизненных ситуаций, этот Закон настолько мелко регламентирует поведение каждого человека, что практически аннулирует его свободу воли и понятие «индивидуальность».

Если на предыдущем этапе эксперимента границы ненаказуемости за греховные мысли, слова и поступки были бесконечно широки, то теперь, когда «законом познается грех» (Рим. 3,2), а «грех есть беззаконие» (1Ин. 3,4), ненаказуемости *как понятия* уже не существует. Наказание за беззаконие, будучи *незыблемой* нормой самого же Закона, становится просто неизбежным. Если до Закона набор жизненных ценностей человека представлял собой плод (хотя и весьма недоброкачественный) его личной воли, то с введением Закона – это уже плод воли Бога, навязанный человеку.

На данном этапе божественного эксперимента резко расширяется состав его участников: теперь это не отдельные личности или отдельные семьи, а отдельный, специально созданный народ – Израиль. Этот экспериментальный народ, сведенный Творцом воедино из двенадцати еврейских племен (колен израилевых) и выведенный из египетского плена, должен только чтить единого Бога и, следовательно, жить в русле Его закона. Иными словами, множество бывших рабов египетских должно теперь стать единым, многоликим *рабом божьим*. И вместе с тем – элитной «силовой структурой», *бичом божьим* в отношении других народов (Втор. 7,6). Эта модель предварительно отрабатывается на аборигенах «земли обетованной» – ханаанеях, уничтожение которых инспирируется Самим Творцом: «И истребишь все народы, которые Господь Бог дает тебе; да не пощадит их глаз твой» (Втор. 7,16).

Бог воспитывает Свой народ по системе «кнута и пряника». С «кнутом» все ясно – это животный страх перед жестоким наказанием за малейшее уклонение от изнурительных требований Закона. Буквально – «шаг влево, шаг вправо – расстрел!» (Втор. 5, 32-33). А что же представлял собой «пряник»? Да все, что с Божьей помощью будет награблено и захвачено народом избранным у народов не избранных Всевышним. В качестве примера возьмем фрагмент Втор. 6, 10-12, где Моисей, харизматический лидер Израиля, с предельным цинизмом разъясняет своему народу, за

что тот должен любить Бога и быть преданным Его Закону: «Когда же введет тебя Господь, Бог твой, в землю с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал, и будешь есть и насыщаться; тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа». (И все же, несмотря на божественные стимулы, как, впрочем, и божественные угрозы, призванные рождать и поддерживать всенародную любовь к Творцу, неблагодарный Израиль тем не менее не единожды предает своего Бога, заигрывая с «богами другими». За измену Своему культу, принимающую массовый характер, Господь отвергает от лица Своего народ, отвергший Бога, и предает его в конце концов в руки врагов на разграбление и длительное пленение.)

Попытаемся в общих чертах оценить ущерб, нанесенный каждому из планов человеческой триады на данной фазе эксперимента. Предписания Закона прежде всего поразили высший, духовный план триады: они вытеснили из него индивидуальные нравственные идеалы и насадили глобальную идею избранности на беззаветное служению Богу, воплощаемую в ортодоксальном следовании всем Его установлениям. В этом и должны состоять по Закону и высшая духовность, и высшая мудрость избранного народа.

Душевный план воспринял эту идею не «всею душою своею», а всем своим душевным *трепетом*, и не столько перед

святостью заповедей, сколько перед неотвратимостью наказания свыше за их нарушение. Иначе говоря, в душах экспериментального народа искренняя вера в единого Бога замещена ее суррогатом – трусливой религиозностью. Страх же рождает отчаяние, под влиянием которого человек способен сойти с «путей добрых», уклониться от «стезей праведников» (Прит. 2,2). Таким образом, налицо связь духовного и душевного планов, определяемая притчей Соломона: «Начало мудрости – страх Господень» (Прит. 1,7).

Нижний, физический план триады находится, как уже отмечалось, под мощным влиянием безнравственных стимулов, поощряющих хищнические инстинкты и желания.

Таким образом, душа «сына израилева» подвержена как устрашающему воздействию «сверху», так и растлевающему воздействию «снизу», что делает ее чрезвычайно капризной и агрессивной.

В результате триада обретает настолько уродливую форму, а сердце человека ожесточается *против Бога* до такой степени, что Творец, вопреки клятвенным обещаниям, прорывается даже уничтожить народ «жестоковыйный» и произвести народ от нового образцового родоначальника – Моисея. Однако благодаря дипломатическим способностям последнего этого не происходит (Исх. 32). Но в дальнейшем Господь все же значительно сокращает численность избранного народа, сведя количество участников Своего эксперимента к минимуму, возвращенному Им из вавилонского пле-

на.

Этот остаток экспериментального народа, жестоко подавляемый на своей исторической родине «слугами божьими» – жрецами и учителями Закона, спасается от окончательного духовного вымирания только благодаря активному вмешательству *Высших Сил* в эксперимент Творца материального мира. Миссия Христа – Спасителя *духовной* сущности в человеке органически связана с Его спасительной же функцией на этапе *физического* сотворения человека. (Необходимую информацию об этом космическом процессе читатель найдет в апокрифе Иоанна [29] и в статье В. Филимонова «Образ порядка» – журнал «Наука и религия» № 10-92 г.)

Явление Христа – Доброго Пастыря деградирующему людскому стаду знаменует собой начало *третьего* этапа божественного эксперимента, объемлющего в конечном счете *все* человечество, всемирный народ («нет ни Еллина, ни Иудея, ни... варвара, Скифа... но все и во всем Христос» – Кол. 3,11) и длящегося по *сей* день («и се, Я с вами во все дни до скончания века» – Мф. 28, 19-21). Однако прежде чем говорить об особенностях третьего этапа, подведем краткий итог первым двум.

* * *

Итак, вполне очевидно, что ни одно из двух условий, рассмотренных выше, *само по себе* не способно решить главную проблему – сделать человека сотворцом Бога.

Несмотря на принципиальное различие целей и методов

эксперимента на первом и втором его этапах, нравственные портреты людей, сформировавшиеся на каждом из них, имеют единую определяющую черту – *бездушные*. В первом случае доминируют бездушные эгоисты, во втором – бездушные формалисты. И те и другие одинаково *бездуховны*: у первых духовный план – чистый лист, а у вторых – хранилище, до отказа забитое устрашающей мелочно-формальной информацией.

Вероятно ли, чтобы в такой изуродованной триаде, которая и *человеческой*-то может быть названа лишь с большой натяжкой, возникло хоть какое-то поползновение к творчеству? Отрицательный ответ вполне очевиден, но ведь способность именно к творческой деятельности является главным признаком богоподобия. Следовательно, на втором этапе созревает угроза исчезновения богоподобия в человеке, а затем – и самого человека как объекта дальнейшего эксперимента Творца. Спасению *гармонии* божественного образа и божественного подобия в человеке и посвящена вся земная жизнь и крестная смерть Христа.

Третий этап характеризуется функционированием *обоих* «базовых» условий, открывающих человеку шанс стать Человеком. По существу, именно этот этап и правомочно считать *экспериментом* как таковым, ибо человеку впервые была дана возможность *выбора* для себя доминирующих жизненных ценностей как духовно-нравственных, так и материальных, находящихся подчас в противостоянии к

первым. Эпизод с богатым юношей, возжелавшим обрести жизнь вечную, наглядно демонстрирует трудность такого выбора (Мф. 19, 16-22).

Христос не отрицает Закона: «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или пророков» (Мф. 5,17), но наряду с этим Он утверждает нравственный приоритет Своих заповедей, заповедей любви, категоричным противопоставлением: «А Я говорю вам» (Нагорная проповедь в Мф. 5). В итоге духовный план «сына израилева», доселе заблокированный догмами Закона, открывается Истине, то есть *обретает свободу*: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8,32). Свобода же в сцепке с познанием истины (знанием добра и зла) предопределяет творческое начало в человеке, что и является доминирующим признаком его божественного подобию.

Нравственные ориентиры, устанавливаемые Христом, в отличие от заповедей Закона не подавляют свободы воли человека, не ущемляют его права выбора пути. Христос лишь расставляет *приоритеты* по степени их значимости для человека: «Дух животворит, плоть не пользует ни мало; слова, которые говорю Я вам, суть, дух и жизнь» (Ин. 6,63) и дает людям *принципы* формирования иерархии жизненных ценностей: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын человеческий» (Ин. 6,27). Однако принять ли приоритеты и принципы, провозглашаемые Христом, *как личные* или отвергнуть

их вовсе – каждый человек решает сам, в чем и реализуется дарованная ему свобода воли. В первом случае – во имя нравственного совершенствования личности, *эволюции* человеческой души через возвышение духа, во втором – во имя бездонных потребностей нижнего, биологического плана человеческой триады. «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир», – заключает апостол Павел (Рим. 8,6).

Сошествие Бога к человеку, воплощение Сына Божьего в Сыне Человеческом («в образе Христа совершилось рождение Бога в Человеке и рождение человека в Боге» [11], с. 45) есть доминирующая идея нынешнего этапа божественного эксперимента, который вот уже более двух тысячелетий проводится под эгидой *Высших Сил* («...дана Мне всякая власть на небе и на земле», – говорит Христос ученикам в Мф. 28,18). Отныне рядом с каждым человеком, участником эксперимента, всегда, «во все дни до скончания века», стоит Учитель, невидимый глазом и неслышимый ухом, но воспринимаемый лишь чуткой человеческой душой, ибо Наставник этот есть «Дух Святой, которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин. 14, 26-27). Как видим, Высшие Силы, *Божественная Троица*, протягивают человеку руку помощи в реализации им индивидуальной программы эволюции. Теперь очередь за человеком, у которого есть три варианта выбора. Он

может или отринуть божественную руку в иллюзорной надежде на свои «безграничные» силы; или безвольно «повиснуть» на божественной руке, не борясь с собой и ситуацией: «Каков уж я есть, таков и есть, что будет, то и будет. Все – от Бога!» (удобная позиция, не правда ли?); или же, наконец, он может, крепко соединив свою руку с рукой Творца, стать Его сотворцом.

Без божественного участия нравственное совершенствование человека, конечно, невозможно, но и без активного устремления к этому самого человека – тоже, ибо «дорогу осилит *идуший*» (курсив мой. – М. Г.). Поскольку же человек в результате предыдущих этапов божественного эксперимента усвоил (и, к сожалению, в большинстве своем сохранил до сих пор!) мощный животный план, заземленную душу – его служанку и крайне низкий уровень духовности, постольку ему крайне трудно осилить, *даже* при поддержке свыше, тернистый путь эволюции. Но другого пути спасения нет, и Христос предупреждает, что только «претерпевший до конца спасется» (Мф. 10,22).

«Помоги сильному, дай богатому», – гласит восточная мудрость. Так вот, с целью выявления этих сильных и духовно богатых людей, достойных божественной поддержки в обуздании ими в сердце своем «зла от юности», и промыслен текущий этап божественного эксперимента. А дальше что? «Победивший наследует все» (Откр. 21,17), а значит – и право на следующий виток эволюции. Участь же осталь-

ных, неисправимых носителей зла, зависит от решения праведного суда Сына Божия: «И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» (Ин. 5,23). «Будучи звеном, соединяющим мир божественный с миром тварным, человек увлекает за собой природу в своей эволюции, Богочеловек увлекает за Собой человечество в своем восхождении к божественному миру, к которому в конце концов все стремится и в чем может осуществить свой смысл» [3], с. 133 – так формулирует доминирующую идею бытия ныне покойный мыслитель – протоиерей Александр Мень, одна из светлейших личностей ушедшего века.

Следует подчеркнуть, что хотя земная миссия Христа и реализуется только среди «овец Израилевых», *спасительная* же Его миссия охватывает все человечество. Так, в молитве за Своих учеников Христос произносит: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их» (Ин. 17,20). И уж непосредственно перед вознесением Он назидает Своих апостолов: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16,15).

Суть божественного промысла в целом – «преображение мира, Царство Божие. А мы должны только его предвосхитить, предчувствовать» [3], с. 18. Иными словами, преобразование мира должно осуществляться в *сотворчестве* Бога и человека, но начинаться – с преобразования самого человека, с коренной перестройки его индивидуальной *шкалы* *жиз-*

ненных ценностей.

Шкала жизненных ценностей

*Дух животворит, плоть не пользует
ни мало; слова, которые говорю Я вам,
суть дух и жизнь.*

Евангелие от Иоанна, гл. 6, ст. 63

*Совесть есть глубина личности,
где человек соприкасается с Богом.*

Н.А. Бердяев

В стихотворении В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?» крошку-сына очень интересуют вопросы, вынесенные в заголовок произведения, с которыми он и обращается к отцу. Под влиянием отеческой лекции малолетний человечек, еще едва способный хоть что-то анализировать и сравнивать, делает, тем не менее, зрелый моральный вывод: «Буду делать хорошо и не буду – плохо». Это решение есть первое достижение человека на долгом пути нравственного самосовершенствования. Что ж, «даже самая длинная дорога начинается с первого шага», – тонко замечает мудрый Восток.

В рассматриваемом стихотворении обращают на себя внимание два, на мой взгляд, принципиальных момента. Во-

первых, вполне осознанное (мы не знаем под влиянием чего), выношенное желание «крохи» стать лучше, чем он есть. Во-вторых, вера в авторитет отцовских определений относительно того, что есть «хорошо» и что – «плохо» (естественно, в терминах, доступных ребенку).

Вывод, вложенный В. Маяковским в уста «младенца, глаголящего истину», созвучен призыву апостола Петра: «Уклоняйся от зла и делай добро» (1Пет. 3,11). Но апостольская заповедь обращена все-таки не к малолетним детям, начинающим жизнь «с чистого листа», а скорее к их родителям и вообще к человеку с *уже* сложившейся нравственной ориентацией, которого не обуревают приступы детского и юношеского максимализма. Петр призывает сделать решительный внутренний шаг в направлении духовного совершенства. В сущности, это переход на новый принцип нравственного бытия, поскольку старый, воплощенный в законе Моисея, сводился лишь к тезису: «Не делай другому зла».

Однако для этого в качестве первичного условия необходимо *внутренне* же и прозреть, определиться с личными критериями добра и зла и уж только затем решать: *от чего* уклоняться и *чему* следовать.

Шкала жизненных ценностей – это детище троичной структуры человека, итог деятельности всех планов его триады. Формируется она нашим внутренним «третейским судьей» – нашей душой. Именно она устанавливает на каждом этапе жизни человека, что *лично для него* важно, а что –

нет; что следует считать ценным, а что – вредоносным или по меньшей мере бесполезным. На душевном плане производится не только анализ «содержимого» посылок верхнего (духовного) и нижнего (физического) планов, планов-антагонистов, но и сопоставление с ценностями, *уже* закрепленными в качестве эталонов на некоей разветвленной вертикали нравственных приоритетов. Эта сложная система индивидуальных эталонов правильного и неправильного, хорошего и плохого, добра и зла, являющаяся своеобразным скелетом нашей души, и есть шкала жизненных ценностей конкретной личности. На этом своеобразном каркасе и покоится набор тех самых «своих аршинов», которыми мы, согласно поговорке, меряем не только поступки человека, но и его мысли и чувства. Отношение к себе мы так же пропускаем сквозь этот оценочный частокол.

В сущности, это мощный нравственный фильтр, стоящий между общим принципом «уклоняйся от зла и делай добро» и конструктивным решением «буду делать хорошо и не буду плохо». При этом, конечно, отфильтровываются только те решения, которые не расходятся с личными эталонами того, *что* есть хорошо и *что* есть плохо. В общем и целом, это, скорее, гибкий многофункциональный рабочий инструмент, а не набор закостенелых догм.

Несмотря на индивидуальную «окраску», шкала жизненных ценностей имеет общую для всех людей структуру, отражающую троичную сущность человека. В условно-образ-

ном виде – это разветвленная вертикаль. Ее верхняя, духовная зона уготована для ценностей, воспринимаемых «органом», находящимся *вне* физического тела человека (к примеру, чувство духовного голода).

В нижней, чувственно-материальной зоне ценностной шкалы «живет» все то, что воспринимается и оценивается нашими пятью органами чувств.

Между этими крайними зонами размещается соединяющая и одновременно разделяющая их область – зона морально-нравственных ценностей, являющихся, по сути, *критериями* самого понятия – Человек. Здесь происходит сравнение, принятие в себя или отвержение ценностей, «предлагаемых» и духом, и телом. Но поскольку «плоть желает противного духу, а дух противного плоти» (Гал. 5,17), то послышки эти, конечно, противоречивы. Тем не менее они способны уживаться в едином душевном пространстве человека в бесконечно разнообразных сочетаниях.

Шкалой жизненных ценностей как индивидуальным поведенческим кодексом обладает каждый человек, но далеко не каждый способен наблюдать ее в себе, как бы со стороны, а тем более критически оценивать. Некритическое же отношение к собственным мыслям, словам, поступкам и оценкам возможностей ведет к ложному самоутверждению, гарантирующему крушение жизненных идеалов, поскольку последние не выверены как ценности. «Как ни вредно непонимание самого себя и проистекающие отсюда колебания и ча-

стые ошибки в поведении, – утверждает Л. Тихомиров, религиозный мыслитель и философ истории, – все-таки гораздо страшнее утвердиться в *ложном* понимании себя. Это ложное понимание самого себя заставит потратить бесполезно уже не какую-нибудь часть своих сил, а ложно направить *всю жизнь*, все силы, то есть уже не просто ослабить, а совершенно погубить себя» [4], с. 258-259.

Внутреннее, духовное прозрение, когда тайное становится явным, дается человеку как откровение: или внезапное, подобно озарению (например, духовное преображение Савла в апостола Павла); или поэтапное, в результате добровольного самосовершенствования – длительной, последовательной работы наблюдательного и взыскующего ума. Но в любом случае осознание себя, своей внутренней троичной природы неизбежно приведет человека к переоценке нравственных стереотипов и, как следствие, – сознательному реформированию шкалы жизненных ценностей. Однако *такое*, к сожалению, – удел очень немногих. У большинства людей самосознание, самооценка, самоконтроль и другие позитивные «само», как правило, не участвуют в формировании нравственного облика в силу того, что они успешно подавляются стабильными негативными «само»: самодостаточностью, самодовольством и даже самовлюбленностью, то есть букетом пороков, составляющих понятие «природная самость». Поэтому расстановка (перестановка) жизненных ценностей «по вертикали» у таких людей носит вынужденный характер

и обусловлена лишь возрастом и резкой сменой внешних обстоятельств: личных (семейная трагедия, ломка служебной карьеры) или общих, масштабных (война, стихийные бедствия, смена политического режима). Сознательный же, целенаправленный анализ сложившейся иерархии ценностей и, как следствие, ее корректировка подавляющему большинству людей абсолютно чужды как понятие.

Естественно, индивидуальные причины, влияющие на мобильность шкалы жизненных ценностей, напрямую связаны с последствиями общественных катаклизмов. Масштабные события, охватывающие огромное число участников (например, смена политического режима), в итоге формируют определенный ценностный императив, который выдается за *общественную* шкалу жизненных ценностей. Он насаждается в сознание людей посредством СМИ, реклам и других методов пропаганды. Навязываемые эталоны ценностей, в том числе и моральных, чаще всего противоречат устоявшимся, зафиксированным на *индивидуальной* ценностной шкале. Происходит болезненная ее деформация, ломка стереотипов добра и зла, разочарование в моральных устоях, считавшихся доселе непогрешимыми.

Все это – на земле: внешне все земные события вершатся, казалось бы, умами и руками людей. Однако во всем происходящем сокрыт промысел Божий: пришло время радикального изменения условий божественного эксперимента. Время на *стыке* его этапов (допустим, социализма и российско-

го неокапитализма) и представляет наибольший интерес для Творца. Ведь главное, что изначально неведомо Господу Богу – это характер взаимодействия между плотской (прахом земным) и духовной (дыханием жизни) составляющими человека, души живой (Быт. 2,7). В переходные периоды эксперимента эти начала интенсивно сталкиваются друг с другом, выдавая новую для Творца информацию. Следовательно, шкала жизненных ценностей участника эксперимента во многом есть продукт условий, в которые он помещен Экспериментатором.

Образно говоря, индивидуальная шкала жизненных ценностей – это изначально чистый лист *постоянных* размеров, соответствующих формату жизненной программы конкретной личности. Ясно, что при *таком* условии введение в него новых ценностей не беспредельно. Придет время, когда оно может состояться лишь за счет вывода ценностей уже внесенных. Нельзя к тому же расширять одновременно духовно-нравственную и материально-чувственную зоны шкалы. Душа, наш третейский судья, не может раздвоиться в окончательном выборе доминанты ценностей, ибо «никакой слуга не может служить двум господам... Не можете служить Богу и маммоне» (Лк. 16,13). Например, в Мф. 19, 16-22 богатый юноша испытывает почти физические муки перед выбором, предложенным Христом: либо духовное совершенство ценой отказа от богатств земных, либо их сохранение ценой отречения навсегда от благ небесных.

Такой подход имеет место, скорее, как мировоззренческая позиция. Но в повседневно-бытовом аспекте все гораздо проще и даже примитивнее. Дело в том, что шкала жизненных ценностей, будучи детально развернутой «мелкозернистой» структурой, вместе с тем не имеет достаточно четких границ: представить себе пределы ее размытого контура совершенно не возможно. Да и надо ли? Ведь, работая с ней как с *поведенческим кодексом*, мы обращаемся, как правило, лишь к сравнительно узкому наработанному кругу ценностей, входящих в нее. (Примерно так заурядный фотолюбитель пользуется лишь минимумом возможностей из числа заложенных в дорогом фотоаппарате.)

Кстати, большинство людей живет по нескольким одинаково ценным для них, но разным по назначению сводам моральных норм: для себя (как должно мне относиться к другим); для других (как должно им относиться ко мне); для третьих лиц («вот, я бы на их месте...»). Это не двойные стандарты нравственных ценностей, как принято считать, а кривое толкование одних и тех же понятий.

* * *

Понятие «ценность», входящее в субъективную систему, составленную по принципу шкалы (от меньшей значимости к большей или наоборот), относится, естественно, к категории добра. Однако главной добродетелью является, на мой взгляд, способность человека ненавидеть зло и противостоять ему. По словам Н. Г. Чернышевского, «добро не возмож-

но без оскорбления зла» (Цит. по [39], с. 226).

Итак, добро, *искусственно* сведенное человеком в систему жизненных ценностей, противоборствует *врожденному* злу, живущему в человеке «от юности его» и «во всякое время». Полем сражения является душа человека; цель сражения – подчинение ее, нашего третейского судьи, хотя бы частично и на время, своему влиянию. Так что, знание добра и зла, полученное в раю в виде сокрытых критериев, человек расширяет и углубляет в процессе их активного противостояния на проклятой Богом земле. Этим же неисчерпаемым источником информации пользуется и Творец-экспериментатор, пополняя Свои знания о человеке. Для расширения Своего арсенала Он периодически вмешивается в ход эксперимента, изменяя и дополняя его условия. Следовательно, в шкале жизненных ценностей человека наслаиваются устойчивые признаки минувших этапов божественного эксперимента. Обратимся к одному из них.

Ранее говорилось, что в целях повышения эффективности управления избранным народом, Бог в свое (ветхозаветное) время решил тщательно нивелировать шкалу жизненных ценностей всех «сынов израилевых». Заблокировав в человеческой триаде ее высший, духовный план и выхолостив из него *индивидуальные* представления человека о том, что есть добро и зло, Творец вменил людям единый Закон – развернутый поведенческий кодекс, который предписывал им под страхом смерти чтить только единого Бога; в отноше-

нии же людей достаточно вполне не мстить и не иметь «злости на сынов народа твоего». В целом – это и есть добро *по Закону*.

Понятие же «добро» как благое деяние, *мотивированное любовью*, естественно, не могло стать нормой Закона, ибо последнему было чуждо само понятие «любовь». (Сказанное вскользь в Лев. 19,18: «Люби ближнего твоего, как самого себя» звучит совершенно нелепо в контексте всего Закона, основанного на страхе пред Богом, Который узурпировал по праву сильного абсолютно всю человеческую любовь. Что же может дать *при этом* человек – человеку? В лучшем случае – только не причинять ему зла). Исключив из буквы и духа навязанного Закона добро как понятие, Творец отрезал тем самым человеку путь к духовно-нравственному совершенству, по существу, обезглавил шкалу его жизненных ценностей. Резкое сокращение в ней зоны добра привело к сильному расширению зоны, *нейтральной* в отношении как добра, так и зла. (В иных условиях эксперимента – это естественный буферный участок шкалы, разделяющий добро и зло, где размещены ценности, не обладающие явно выраженными свойствами ни того, ни другого, разросшийся теперь до необычайных размеров.) На шкале морально-нравственных ценностей общества в целом со временем образовалось обширное пространство равнодушного потребления материальных благ, в котором все *нравственные и духовные* ценности неминуемо обезличиваются, «теряют в весе», растворя-

ются, становясь не просто излишними, но подчас и вредоносными для психологии его обывателя. Единственными ценностями в этой обширной и бездушной зоне признаются, а потому усиленно насаждаются в умы и души людей, лишь ценности чувственные или же откровенно зоологические (в человеческой упаковке, конечно). Иными словами – ценности, адаптированные к потребностям нижнего физического плана человеческой триады, все более вырождающейся в уродливую диаду.

Прямое злодеяние в нейтральной зоне запрещено тем же Законом, но вполне допустимо косвенное – как *следствие* разрешенного неделания добра. А добро как таковое здесь выступает в относительной форме, ибо оно сводится не к *благодетельству*, а всего лишь к *уклонению от злодеяния*. Это неизбежно приводит к изменению морального климата общества, понижению «средней температуры» общения его членов. Теперь каждый из них всего лишь «тепл, а не горяч, и не холоден», по определению Христа в Откр. 3,16.

Лишь благодаря животворящей миссии Высших Сил, реализуемой Христом в эпоху Рыб, разблокируется духовный план триады, реанимируется его способность воспринимать благотворную энергию свыше. Инъекции этой исцеляющей энергии в душевный план неизбежно вызывают пусть и слабое, но просветление плана душевного и, как следствие, – очищение души от привычного страха перед законом. Это в свою очередь ослабляет ее привязанность к темному фи-

зическому плану с его низменными животными инстинктами. Начинается одухотворение души, длительный и трудный процесс спасения, а затем и гармонизации человеческой триады, что, по словам А. Меня, и означает Воскресение [3], с. 12.

Духовная встреча человека с Богом стала возможной благодаря нисхождению Бога на доступный для человека уровень, где он способен воспринимать Бога всем сердцем, душой и разумением своим. Сын Божий воплощается в Сына Человеческого, чтобы донести до людей истину на *человеческом* же языке (примерно, как мудрый отец «крохи» у В. Маяковского разъясняет сыну «что такое хорошо и что такое плохо» в сравнениях, доступных малолетнему ребенку).

В результате переоценки ценностей приоритетными оказываются ценности *духовно-нравственные*, главной из которых признается *Любовь* – постулат, провозглашенный Самим Спасителем: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 15,12). Причем на самый высокий ценностный уровень Спаситель возносит *самопожертвование*: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13). В принципе же любое добродейание, независимо от его масштабов и последствий, это всегда жертва, всегда отдача. Итак, формируется высший уровень нравственной зоны шкалы жизненных ценностей – уровень любви и добра, а шкала в целом вновь обретает явно выраженную троичную структуру.

В этой организации ее нравственно нейтральная зона, разделяющая ценности духовного и материально-биологического свойства, хотя и несколько сужается за счет относительного расширения верхней зоны, но остается все же несоизмеримо шире последней. Естественно, *в такой* условно нейтральной зоне душа человека считаться нейтральной может тоже лишь условно: испытывая влияние ценностей противоположного свойства, она тяготеет к тем, которые ей ближе, к которым, как говорится, душа лежит. К каким же? Перенесемся в день сегодняшний.

* * *

Несложные наблюдения как за реальными живыми людьми вокруг нас, так и за людьми на телеэкране, убеждают нас в том, что в большинстве своем люди или не имеют даже зачаточного представления о духовных ценностях, или же откровенно, а подчас и весьма цинично, отвергают их в пользу ценностей материально-биологического свойства. Так что сегодня человек воспринимает мир как существо в большей степени зоологическое, нежели духовное. «Современная цивилизация является цивилизацией инстинкта», – заявил патриарх Кирилл в телепередаче «Слово Пастыря» от 9 января 2011 г. Исчерпывающая формулировка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.